

УДК 821.161.1

**ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ НИКОЛАЯ ЯЗВИЦКОГО:
ПОЭТИЧЕСКИЙ И МЕДИЦИНСКИЙ КОНТЕКСТЫ**

© 2013 г.

Б.В. Орехов

Башкирский госуниверситет, г. Уфа

nevmenandr@gmail.com

Поступила в редакцию 10.10.2012

В биографическом и психиатрическом контексте рассматривается не публиковавшееся до сих пор стихотворение Н.И. Язвицкого, сочинённое им в период развития душевного заболевания. Предлагаются методы работы с такого рода текстами.

Ключевые слова: русская поэзия начала XIX в., Язвицкий, эмблема.

Речь пойдёт о малоизвестном литераторе начала XIX века Николае Ивановиче Язвицком (1782–1820). Он успел проявить себя как поэт (издал несколько поэтических произведений), переводчик (сделал перевод грамматики Пор-Рояля и «Слова о полку Игореве»), придворный педагог (учитель русского языка у императрицы Елизаветы Алексеевны), учитель словесности и методист (в 1811 он выпускает книгу «Введение в науку стихотворства», практически первый отечественный учебник на эту тему).

В русскую литературу он вошёл как сотрудник второго разряда Беседы любителей русского слова и один из первых и не слишком удачливых переводчиков «Слова о полку Игореве». Его карьера (а точнее, все его карьеры, потому что из приведённого перечня видно, что человеком он всё же был разносторонним) стремительно оборвалась в 1814 году. Находясь на родине во Владимирской губернии, 13 июня Язвицкий является в дом гражданского губернатора А.Н. Супонева и оставляет на его имя такое письмо: «За предание смертоубийства и суровые рабские законы, кои не что иное были как явное покрывало зверства и ужасный шаг тиранства, Государя при въезде в столицу должно лишить всех почестей и триумфов; сумму же, собранную от добродушно-подателей для сего предмета, надлежит обратить в Государственную кассу для безбедного продовольствования и производящих людей в здешней губернии находящихся, кои насильно оторваны были от своих мест и нужных занятий ополчением» [1, с. 3].

После этого эпизода Язвицкий заключён под стражу, и на свободу уже не выйдет. Умрёт Язвицкий через 6 лет секретным арестантом в Обуховской больнице.

Учинённый по его делу (на тот момент, условно, делу политическому) обыск и материалы уголовного дела (неопубликованного) сохранили для нас несколько поэтических текстов, которые автор не успел опубликовать, но которые сочинены им уже в период начавшегося распада личности. Одно из таких стихотворений мы и рассмотрим специально: «Обращение к Солнцу, или 2е мое послание из С. града к матери Е. братьям А. В. и сестрам М. А. по утру 9 апреля сего 1814 года», имеющее подзаголовок «Эмблематическое стихотворение» [1].

Первичный анализ сообщает, что автор, как это свойственно его товарищам по несчастью, понимает болезнь как откровение свыше, как прорыв к истинному знанию (отсюда мотив всеобщего молчания – всё молчит, – которое прерывает лишь он: «Безмолвье часом прерываю: К хромым, слепым, глухим взываю»), как свое избранничество. Он обращается к конкретным близким людям, чтобы объяснить им эту свою предназначенность высшему, и привлекает в свидетели "Солнце", своего "царя". Это элемент, означающий в эмблематическом употреблении высшую сакральную инстанцию, в т. ч. Спасителя (Иисус Христос – солнце Бога). Язвицкий называет свое стихотворение "эмблематическим" с полным знанием дела. Природа эмблемы совмещает в себе предметное выражение (обнажение, наглядное обналичивание) смысла и его закодированность, зашифрованность, т. е. представляет собой одновременно загадку. Она должна быть понятна "посвященным", владеющим языком эмблематических семантических единиц – предметов, наделенных абстрактными значениями. Язвицкий и строит свое высказывание на этом языке, т. е. конструирует некую эм-

блематическую структуру, за которой стоит все же его реальное самоощущение.

Одна из трудностей, с которой сталкивается исследователь поэтических текстов, сочинённых душевнобольными, это отсутствие общепризнанных методик их анализа. Невысокие художественные достоинства таких стихов в сочетании с отсутствием важнейших для литературоведа категорий авторской интенции, рационального авторского задания делают невозможным применение к таким текстам привычных методов работы с художественным текстом.

Значит, нужно искать другие.

Речь больных шизофренией менее всего страдает на морфологическом уровне и подвергается наибольшему нарушению в области семантики, синтаксиса и прагматики [2, с. 365–367]. Многочисленные исследования когнитивных способностей и их связи с порождёнными болезнью лингвистическими особенностями выявили наиболее узнаваемые черты языкового портрета шизофрении, среди которых самые важные – это затруднённость в обращении с целым классом сложных понятий, невозможность адекватного восприятия больным интенции говорящего (юмор, сарказм и т.д.) и – на синтаксическом уровне – аграмматичность высказываний, вызванной неполнотой использованных конструкций и их рассогласованностью внутри предложения [2, с. 365–367]. Специалисты указывают на большую свойственность шизофрении нарушений на уровне предложения и дискурса, чем на уровне отдельных слов [3, с. 445].

В литературе в качестве типичных высказываний больных шизофренией приводятся такие: «He was blamed for and I didn't think that was fair», «No, only if you have. Do you have?», «Um, because making a do in life. Isn't none of that stuff about evolution guiding isn't true any more now» [2, р. 366], «Они веселятся через поры любого существа, вот женщина, весь род на земле происходит» [4, с. 20]. Примеры обычно снабжаются комментариями вроде: «Эта речь уже лишена основных признаков человеческой речи. Она не служит ни орудием мышления, ни средством общения» [4, с. 20]. Такое впечатление у специалистов по психиатрии создаётся из-за неспособности пациента донести до адресата содержание своего сообщения.

Однако даже утратив базовые языковые функции, высказывание создаётся по своим внутренним правилам. При шизофрении эти правила являют собой монтирование стандартных речевых клише, а алогичность такого со-

единения обуславливает упомянутые выше нарушения в синтаксисе и дискурсе. Как легко заметить из приведённых примеров, на уровне сочетаемости двух или нескольких слов высказывание душевнобольного может быть вполне грамматичным и соответствующим естественным высказываниям здоровых людей. Проблемность проявляется на уровне частей предложения или отрезков текста больших, чем предложение. Кстати, одним из «лингвистических» симптомов шизофрении считается лексическая «скудность речи» [3, с. 447]. Такое впечатление у наблюдателя создаётся потому, что пациент чаще всего не создаёт нового высказывания, а конструирует его из привычных общих мест.

Таким образом, когнитивный механизм душевного расстройства предполагает, что помутившееся сознание оперирует готовыми словесными формулами (иногда неполными, с точки зрения здорового человека), которые комбинируются в алогичном порядке.

Итак, текст больного, особый по своему статусу, требует и особого комплекса исследовательских операций и процедур, направленных на извлечение системности и последовательности из материала, который в привычном смысле системности и последовательности, вообще говоря, лишён. Самой адекватной, как представляется, была бы исследовательская стратегия, предполагающая рассмотрение созданного помутнённым рассудком текста на фоне современной ему поэтической практики. Нельзя гарантировать, что этот путь приведёт к удовлетворительной интерпретации стихотворения, изначально к интерпретации не расположенного. Однако такой подход естественным образом вытекает из того, что мы знаем о структуре речи больных шизофренией.

Нужно иметь в виду и то, что поэзия этой эпохи вообще ориентирована на готовое слово. Но разница в употреблении клише в стихах душевнобольных и риторических поэтов требует специального рассмотрения.

Рассмотрим ряд контекстов. Стихотворение начинается со строк «Что так чело твое туманно / Мой царь, светил небесных вождь!» Топос «чело твое» сравнительно распространён в поэзии конца XVIII – начала XIX века и встречается чаще всего в «царственном» контексте. Вот характерный пример: «Тебя порфира украшает; / Чело твое венец златый / С величеством приосеняет; / Жезл силы в длани носишь ты» [С.С. Бобров. Глас возрожденной Ольги к сыну Святославу : «Едва лишь полночь под звездами...» (1801–1804)].

«Мой царь» фигурирует в текстах прежде всего как обращение: «Ты чувствуешь, что я в позорный плен иду, / Ты видишь токи слез, мою тоску, беду; В последний раз, мой царь!» [М.М. Херасков. *Россиада. Поэма эпическая.* : «Пою от варваров Россию свободенну...» (1771–1779)].

Привычно и устойчивое поэтическое сочетание «вождь светил»: «Ты круглый в жизни год свершил, / Вторично радостна природа / И лучезарный вождь светил / Весны прекрасной, безмятежной, / Любезна лета дщери нежной, / Тебя в объятия кладут; / Сплелись вторично мягки лозы, / Целуются с зефиром розы / И аромат из уст лиют». [Е.И. Костров. *Ода на всерадостный день рождения Ее Императорского Величества...: «Весенних дней любитель нежный...»* (1780)].

Очевидно, что в тексте находятся подтверждения описанному когнитивному механизму

создания поэтических текстов. В то же время нельзя списывать со счетов и то, что Язвический пишет своё стихотворение в эпоху готового риторического слова и использование поэтических клише является вполне привычным приёмом художественного языка. Всё это требует дополнительных разысканий внутри поставленной проблемы уже после введения этого текста в научный оборот.

Список литературы

1. РГИА. Ф. 1163. Оп. 16. Д. 1.
2. Cummings L. *Clinical Linguistics*. Edinburgh, 2008.
3. Kuperberg G.R., Caplan D. *Language Dysfunction in Schizophrenia // Neuropsychiatry*. Philadelphia, 2003. P. 444–466.
4. Глазов В.А. *Шизофрения. Клинико-экспериментальное исследование*. М., 1965.

THE EMBLEMATIC POEM OF NIKOLAY YAZVITSKY: POETIC AND MEDICAL CONTEXTS

B.V. Orekhov

The article deals with the unknown poem of N.I. Yazvitsky that the author wrote in the period of mental disorder. We suggest some methods to work with such texts.

Keywords: Russian poetry of early 19th century, Yazvitsky, emblem.